

к народностям, с которыми они сталкивались на Востоке. Презрение к иноверцам и нетерпимость, которые вырабатывались, при узости общего мировоззрения, в замкнутой, принудительной идеологической атмосфере Московского государства, резко сказываются у авторов «хождений». Они не скупятся на бранные эпитеты по адресу иноверцев: проклятые, треклятые, безбожные, поганые, окаянные, пребеззаконные — и даже в литературно-богословском плане: «проклятые Оригенены сыны», и пр. Их не останавливает то, что иноверцы вместе с ними молятся в одном храме и празднуют одни праздники. Самое богослужение иноверцев оказывается в глазах наших авторов бесстыдством и воровством: «Смотрехом, — пишет Лукьянов, — внутрь церкви и дивихомся, и видехом там старцев, ходящих по церкви разных вер еретических: овые ходя кадят святые места, а иные службы поют. Мы же дивихомся таковому бесстыдию их. А франки поют на органе. А все те воры нарицаются христианами».⁶⁴

Тем не менее более близкое знакомство с иноверцами заставляло паломников говорить о них с большим уважением. Суханов без тени неодобрения рассказывает о проповеди на Голгофе армянского патриарха: «На Голгофе большой патриарх после Евангелия казанье долго говорил, а люди все сидели на коленках; и как кажет, люди мнози армяне слушают со безмолвием и со слезами, и сам патриарх плачет; а указывает рукою, мало приоборотясь, на Голгофу, и деже распят бысть Христос».⁶⁵

На Лукьянова сильное впечатление произвела религиозность армянских женщин: «... видехом армян, армянских жен: зело мне, грешнику, во удивление, удивили меня зело; как на гробе господнем оне плачут, так слез лужи стоят на доске гробной; а иную бабу-то насилу прочь оттащить от гроба господня. Дивное чудо! Хоша еретическая у них вера, мы же подивихомся таковому усердию».⁶⁶

Бытовое знакомство еще более примиряло с иноверцами московского человека, отчужденного от иностранцев. Тот же Лукьянов ласковыми словами вспоминает турка, показавшего ему и его спутникам внутренность мечети Айя-Софья: «Добрый человек турчин, кой нас водил!».

Можно с уверенностью сказать, что, если исключить религиозную предвзятость русских паломников, ни у кого из них не найдется ни единого оскорбительного или враждебного выпада о какой-либо чуждой им народности. Они, наоборот, отмечают их положительные черты.

Лукьянова и его спутников сперва очень смущала наружность арабов: «что беси видением», — говорит он. Когда они плыли на корабле с арабами, «горько было сильно... Мы — трое нас, что пленники. Языка не знаем, а куда нас везут, бог весть. А хотя бы нас куда и продали, кому нас искать и на ком?».⁶⁷ Но никто их не тронул, и когда они путешествовали в караванах, где были — пишет Лукьянов — «многие языки»: турки, арабы, евреи, армяне, а их, русских, только двое. «Никто, — говорит он, — нас не обидел, ни хульным словом не злословил, ни турчин, никто. Только как наедет турчин, так молвит: „Бай — папáz москов?“⁶⁸ А ты скажешь: „Москóв“. Он и поехал прочь».⁶⁹

В одном очерке невозможно исчерпать все стороны древнерусских «хождений»: осветить индивидуальность авторов, особенности их языка, гречизмы, проникшие в последний, выделить легендарно-апокрифические

⁶⁴ Русский архив М., 1863, вып. 3, стр. 257.

⁶⁵ Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21, стр. 64.

⁶⁶ Русский архив, М., 1863, вып. 3, стр. 308.

⁶⁷ Там же, стр. 234.

⁶⁸ «Господин — московский священник?».

⁶⁹ Русский архив, М., 1867, вып. 2, стр. 159.